

В. С. Васильевский

**Советы и рассказы византийского боярина XI
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. С. Васильевский**
Советы и рассказы византийского боярина XI века / В. С. Васильевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 170 с.

ISBN 978-5-4241-1230-0

ISBN 978-5-4241-1230-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

pit: πρέπον ἄρα καὶ ὀφειλόμενον ἔστιν ἀπὸ τε ῥωμαίων καὶ ἀρμενίων στρατιώτας ἐκλέεσθαι.

6) Fol. 136. Nescio, cujus στρατηγικὸν, multis partibus mutilum. Nic in fine, fol., 228 legitur ςφιβ i. e. Christi 1204.

Первое сочинение, судя по начальнымъ словамъ, не изданное, привлекало именемъ автора, императора Никифора Фоки, а второе—своею обширностію (отъ 136 до 228 fol., впрочемъ in quarto) самою неизвѣстностію сочинителя и отмѣченнымъ въ концѣ годомъ написанія. Когда мы получили возможность пользоваться кодексомъ здѣсь въ Петербургѣ и ближе ознакомиться съ содержаніемъ обоихъ сейчасъ означенныхъ сочиненій, то намъ пришлось скоро убѣдиться, что важность и значеніе ихъ далеко превосходятъ наши ожиданія. Первое сочинение состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, посвященныхъ теоріи военнаго искусства относительно тактическаго военнаго строя, размѣщенія войскъ на постой и въ лагерѣ. Оно по содержанію совершенно отлично отъ изданнаго Газе сочиненія Никифора Фоки „περὶ παραδρομῆς πολέμου“ (de velitatione bellica), хотя по языку и способу изложенія съ сходно нимъ и легко можетъ принадлежать одному и тому же автору. Помимо своего спеціального интереса для исторіи военнаго искусства, сочинение это можетъ служить къ обогащенію словаря греческихъ техническихъ выраженій: по нашимъ наблюденіямъ и справкамъ оказывается, что Дюканжъ при составленіи своего лексикона не имѣлъ подъ руками этого памятника византійской письменности, хотя весьма многое изданное гораздо послѣ, а отчасти и до сихъ поръ не изданное—было ему доступно. Еще любопытнѣе—второе сочинение, Стратегиконъ или Стратегія неизвѣстнаго. Съ первыхъ же страницъ оказывается, что этотъ Стратегиконъ не похожъ на другіе трактаты о военномъ искусствѣ, написанные въ византійскій періодъ или еще ранѣе его наступленія; разумѣемъ Стратегиконъ Полиэна, Тактику Арріана, Тактику Маврикія и такое же сочинение Льва Мудраго. Отличіе прежде всего заключается въ томъ, что наша Стратегія содержитъ въ себѣ не одни только правила и примѣры военнаго искусства, но также наставленія нравственныя, правила житейской мудрости, разумнаго поведенія, добраго хозяйства, хорошаго управленія домомъ и семьей, приличнаго свѣтскаго и придворнаго обращенія, и т. д. Это не только Стратегія, то-есть, военное искусство, но и Домострой, изложенный въ формѣ наставленія отца дѣтямъ, чуть ли не единственное произведение такого рода въ византійской литературѣ, потому что извѣстныя наставленія сыну или внуку, приписываемыя Василию I

Македонскому и Алексѣю Комнину, совсѣмъ не идутъ сюда въ сравненіе по причинѣ своей краткости и преобладанія въ нихъ ходячихъ и слишкомъ обычныхъ нравственныхъ сентенцій. Самъ нашъ авторъ признавалъ своеобразность своего произведенія, задуманнаго въ пространенной формѣ военныхъ руководствъ съ примѣрами изъ военной практики прошлыхъ и настоящихъ временъ и обратившагося въ какую-то общую науку житейской мудрости. Онъ рекомендуетъ дѣтямъ свое сочиненіе именно тѣмъ, что въ немъ они встрѣтятъ такіе назидательные совѣты, какихъ нельзя вычитать въ какой-либо другой Стратегіи, ни вообще въ какой-либо другой книгѣ; они почерпнутъ изъ собственного разумѣнія и личнаго опыта писавшаго (fol. 158 verso). Для ознакомленія съ чисто византійскими воззрѣніями на жизнь и нравственность, на семью, общество и государство сочиненіе это представляетъ цѣнный матеріалъ и высокій интересъ, особенно если мы будемъ имѣть въ виду сравнительную точку зрѣнія по отношенію къ однороднымъ памятникамъ другихъ литературъ. Но и непосредственный, первичный, такъ-сказать, историческій матеріалъ, въ немъ заключающійся, и довольно значителенъ по объему, и весьма цѣненъ по качеству. Мы при этомъ разумѣемъ разнаго рода разказы о военныхъ стратагемахъ или хитростяхъ, объ искусномъ взятіи городовъ и крѣпостей, о военныхъ промахахъ и ошибкахъ византійскихъ воеводъ, бывшихъ причиною несчастій для имперіи, о возстаніяхъ и бунтахъ подчиненныхъ варварскихъ племенъ и владѣтелей, вообще—эпизоды военной, политической и дипломатической исторіи, приводимые въ видѣ поучительныхъ и объяснительныхъ примѣровъ. Здѣсь встрѣчается значительное количество совершенно новыхъ фактическихъ данныхъ для исторіи, какъ собственно Византіи, такъ и вообще странъ и земель, входившихъ въ составъ Восточной имперіи, либо бывшихъ съ нею въ дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ. Чаще всего встрѣчается имя Болгаръ и царя ихъ Самуила, но есть нѣсколько разказовъ, касающихся приморской Сербіи и знаменитаго предшественника современныхъ намъ Черногорскихъ князей, Стефана Воислава, властителя Зеты и Дукли (Дюклеи). Упоминаются Варяги и Рускіе; состоявшіе въ XI вѣкѣ на византійской службѣ. Все это любопытно, и какъ сказано, не лишено значенія: но не это самое важное. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы получаемъ наидрагоцѣннѣйшія свидѣтельства современника и очевидца, вообще близко знакомаго съ дѣломъ чловека по вопросамъ, соприкасающимся съ такими истори-

ческими проблемами, которые остаются до сихъ поръ не рѣшенными и темными именно вслѣдствіе недостатка хорошихъ и близкихъ по мѣсту и времени источниковъ. Мы разумѣемъ прежде всего повѣствованіе о возмущеніи противъ центральной власти Фессалійскихъ Влаховъ во второй половинѣ XI вѣка, при чемъ сообщаются чрезвычайно живыя подробности о ихъ образѣ жизни и отношеніяхъ съ сосѣдями, и сверхъ того, общая характеристика племени въ продолженіе всей его исторіи; а эта послѣдняя, по весьма знаменательному и вѣскому мнѣнію нашего автора, начинается отъ Даковъ и Бессовъ: значитъ, здѣсь мы находимъ и самое древнее упоминовеніе о средне-вѣковой Великой Влахіи, и весьма здравую теорію о происхожденіи Румынъ: объ отношеніи ея къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ рѣчь будетъ послѣ, при объясненіи самаго текста. Небольшой разказъ о приключеніяхъ въ Цареградѣ топарха, то-есть, полунезависимаго владѣтеля города Задра (Зары) проливаетъ новый свѣтъ на весьма неясную въ XI вѣкѣ исторію Далматинскихъ городовъ. Въ концѣ тѣхъ листовъ, которые въ сборникѣ обозначены однимъ общимъ заглавіемъ „Стратегикона“, находится разказъ о варяжской службѣ Гаральда Гаардрада, сообщаемый человѣкомъ, который лично встрѣчался съ знаменитымъ норвежскимъ героемъ, сложившимъ свою голову въ битвѣ съ Гаральдомъ Англійскимъ вблизи города Йорка, оставившимъ память и въ русской исторіи по своимъ отношеніямъ къ Ярославу Мудрому. Наряду съ пятью строками подлинной исторіи у Трондгеймскаго монаха Теодорика, это единственная, теперь самая лучшая, основа для провѣрки исландской саги, давно занимающей ученыхъ скандинавскихъ, англійскихъ и русскихъ. Можно съ увѣренностію сказать, что три послѣднія мѣста давно считались бы классическими для соотвѣтствующихъ вопросовъ, еслибъ они были извѣстны славянскимъ и вообще европейскимъ ученымъ.

Наибольшая часть краткихъ историческихъ повѣствованій, приводимыхъ въ Стратегиконѣ неизвѣстнаго, относятся къ двумъ эпохамъ: къ концу X вѣка, ко времени Василия II и Болгарскаго царя Самуила, и ко второй половинѣ XI столѣтія, къ царствованію Константина Мономаха и его преемниковъ до Романа Діогена включительно (до 1071 года). Болѣе позднихъ разказовъ нѣтъ. Если мы предположимъ, что послѣдніе разказы писаны современникомъ и очевидцемъ — мы уже мимоходомъ сказали, что это такъ на самомъ дѣлѣ, — то о разказахъ, относящихся къ первой эпохѣ, нужно будетъ сдѣлать такую догадку, что они дошли отъ дѣда ко внуку. Послѣ

мы увидимъ, что и въ самомъ дѣлѣ чаще всего встрѣчаются ссылки на дѣда, а изъ двухъ ссылокъ на отца, по крайней мѣрѣ одна сомнительна.

Повѣствованія изъ той и другой эпохи одинаково встрѣчаются какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ сочиненія. Судя по этому, нѣтъ никакого основанія заподозривать его однородность и цѣлостность, тѣмъ болѣе, что послѣ заголовка на оборотѣ листа 136-го, указывающаго на начало новой большой статьи, именно нашего Стратегикона, до 229-го листа, гдѣ находится новая заставка и заглавіе новой статьи (апофѳеегмы), нѣтъ по срединѣ другаго общаго заглавія, а напротивъ, на всемъ этомъ протяженіи идетъ одинъ общій счетъ главъ, хотя и съ нѣкоторымъ скачкомъ по срединѣ счета. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, не все то, что заключается въ указанныхъ предѣлахъ, и что Маттеи обозначилъ какъ одно сочиненіе, написано однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Впереди текста Стратегикона находится указатель его статей (πίναξ ἀκριβής) и прологъ къ нему. Указатель, съ прямымъ притязаніемъ на подробность и точность, содержитъ краткія заглавія, выражающія содержаніе 190 статей или параграфовъ; заглавіе послѣдней статьи указываетъ, что она трактуетъ о необходимости „имѣть всяческое вниманіе, даже и тогда, когда ты пользуешься миромъ и спокойствіемъ“. Тѣ же самыя заглавія, которыя находятся въ указателѣ, повторяются въ текстѣ предъ каждою отдѣльною статьей или параграфомъ въ видѣ красной киноварной строки, при чемъ на полѣ обозначается и счетъ статей цифрами. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ полного тождества между указателемъ впереди и обозначеніями въ текстѣ. Нѣкоторыя статьи, правильно озаглавленные въ указателѣ, въ текстѣ разбиты на двѣ, при чемъ иногда въ красную строку обратились совершенно къ тому не идущія слова изъ середины разказа или разсужденія. Ясное дѣло, что счетъ статей въ текстѣ долженъ нѣсколько уйдти впередъ. Такъ оно и есть. Предъ статьей или параграфомъ, трактующимъ о вниманіи необходимомъ даже во время мира и спокойствія, fol. 212 г., стоитъ на полѣ цифра 224. Однако, на самомъ дѣлѣ раздробленіе цѣльныхъ статей не совершалось такъ часто, чтобы произвести такую большую разницу.

Другая причина разницы заключается въ томъ, что на поляхъ текста при счетѣ статей послѣ 192-й статьи на листѣ 209-мъ гесто сдѣланъ скачекъ прямо къ цифрѣ 218 вмѣсто правильнаго обозначе-

ніа 193. Слѣдовательно, не смотря на раздробленіе отдѣльныхъ статей или главъ, въ текстѣ ихъ находится не 224, а 199: только девять лишнихъ статей. Разница небольшая и легко объяснимая. Какъ уже указано, и послѣ 224-й главы (=199-й) въ текстѣ продолжаютъ мелкія статьи, по прежнему означаемыя продолжающимся счетомъ на полѣ. Это продолжается отъ листа 212-го на оборотѣ до листа 229-го гесто; всего статей или главъ 259. Теперь спрашивается: отчего послѣднія 35 главъ не вошли въ находящійся впереди указатель? Слѣдуетъ ли признать подробный указатель неполнымъ или же на оборотъ предположить, что текстъ Стратегикона собственно кончается на листѣ 209-мъ, и что съ нимъ неправильно или случайно слито другое сочиненіе? Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ то обстоятельство, что уже въ 191-й главѣ (по счету въ текстѣ) на листѣ 209-мъ авторъ какъ бы собирается кончить свое сочиненіе, пишетъ нѣчто въ родѣ послѣсловія; а что еще важнѣе—послѣ нѣсколькихъ главъ однороднаго со всемъ предыдущимъ содержанія, которыя могли быть прибавлены послѣ, начинаются статьи, совершенно не подходящія къ задачѣ и общему характеру сочиненія: силлогизмъ о сатирахъ, силлогизмъ о драконахъ, о громѣ, о молніи, о числѣ лѣтъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до различныхъ историческихъ событій. Такія статьи естественно-научнаго содержанія занимаютъ четыре листа, fol. 213—217. Затѣмъ хотя и возобновляются статьи однороднаго съ прежними содержанія, но содержащіеся въ нихъ правоученія и совѣты обращены не къ дѣтямъ, какъ въ первой части, а къ царствующему государю: *πρὸς τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν ὄντα βασιλέα*. См. § 235.

Это еще не все. Въ обѣихъ неравныхъ по объему половинахъ, раздѣленныхъ постороннею примѣсью естественно-научнаго содержанія, встрѣчаются указанія на происхожденіе и вообще личныя отношенія писавшихъ, но именно писавшихъ, а не писавшаго, двухъ лицъ, а не одного. Авторъ первой части называетъ своего дѣда Кекаменомъ; дѣдъ его является дѣйствующимъ лицомъ при захватѣ армянскаго города Девина, гдѣ его можно считать представителемъ мѣстныхъ стремленій, враждебныхъ или самой Византіи, или византійскому міру, то-есть, подчиненныхъ ея власти и вліянію Армянскихъ государей (подробнѣе въ объясненіяхъ къ § 73); затѣмъ мы видимъ его на службѣ Греческаго царя Василія II: занимая важный правительственный постъ въ воеводствѣ Елладскомъ, обнимавшемъ тогда, кромѣ собственной Еллады, значительную часть Θεσσαλίи, онъ

начальствуетъ обороною Θεσσαλiйской Лариссы противъ Болгарскаго царя Самуила (§ 169). Представляется вѣроятнымъ, что дѣдъ нашего автора, прозванный Кекавменомъ, принадлежалъ къ многочисленному сонму армянскихъ князей и бояръ, искавшихъ въ случаѣ невзгоды убѣжища въ Царьградъ и даже переселявшихся или переселяемыхъ въ европейскія имперскія земли. Онъ основался своимъ домомъ, по видимому, въ такой области, въ которой близкими его сосѣдями могли быть славянскія (болгарскія) и валахскія фамиліи. Онъ даже породнился посредствомъ брака съ одною болгарскою фамиліей, потому что своимъ дѣдомъ по матери авторъ Стратегіи именуетъ Болгарина Димитрія (§ 75). Другая болгарская или болгаро-валахская знатная боярская фамилія, обитавшая въ Θεσσαλίи, была также въ родствѣ или свойствѣ съ Кекавменами (§§ 170 и 180). Самъ нашъ авторъ нѣкоторое время служилъ въ провинціи Елладѣ, но какую онъ тамъ занималъ должность—остается неяснымъ (§ 141). Но это почти и все, что мы узнаемъ изъ самаго сочиненія объ авторѣ, о его семейныхъ отношеніяхъ и общественномъ положеніи. Результатъ отсюда пока тотъ, что онъ перестаетъ быть для насъ анонимомъ, и мы можемъ именовать его Кекавменомъ.

На первый взглядъ кажутся возможными дальнѣйшія отождествленія и комбинаціи. Лица, носящія такое названіе, встрѣчаются не разъ на страницахъ византійскихъ историческихъ писателей при разказѣ о событіяхъ XI столѣтія. Особенно знаменитъ Катакалонъ Кекавменъ, прославившій себя подвигами на островѣ Сициліи—противъ Арабовъ, и на Дунаѣ — противъ Печенѣговъ, въ Грузіи и Арменіи — противъ Турокъ-Сельджуковъ и достигшій самыхъ высшихъ чиновъ и титуловъ византійскихъ, такъ что въ концѣ поприща ему оставался только одинъ шагъ къ престолу. Но хотя этотъ Катакалонъ Кекавменъ, по одному свидѣтельству, даже родомъ былъ изъ армянской византійской провинціи, все-таки трудно считать его отцемъ нашего писателя или даже самимъ писателемъ. По всѣмъ признакамъ Катакалонъ Кекавменъ кончилъ свою карьеру при Исаакѣ Комнинѣ около 1054 года и не дожилъ до семидесятихъ годовъ столѣтія, къ которымъ приурочиваются нѣкоторыя повѣствованія „Военнаго руководства“; слѣдовательно, не онъ написалъ наше сочиненіе. Еслибы онъ былъ лицомъ очень близкимъ къ сочинителю, то нужно было бы ожидать какихъ-либо разказовъ, касающихся именно его многочисленныхъ дѣлъ и подвиговъ; ничего подобнаго не замѣчается, а напротивъ бросается въ глаза, что изъ двухъ эпизодовъ, относящихся

къ одному и тому же военному походу, сообщается не тотъ, въ которомъ участвовалъ Катакалонъ Кекавмень, а другой. Наконецъ, первоначальная родовая фамилія лица все-таки есть Катакалонъ, и такое прозваніе встрѣчается гораздо ранѣ половины X вѣка. О возможности и невозможности другихъ отождествленій рѣчь будетъ ниже, въ объясненіяхъ къ § 169, гдѣ будутъ приведены и мѣста писателей, касающіяся Катакалона Кекавена.

Что касается автора совѣтовъ, обращенныхъ къ царствующему императору, то онъ своимъ дѣдомъ называетъ Николицу; такъ какъ при этомъ не сдѣлано никакой оговорки, то нужно принять, что рѣчь идетъ о дѣдѣ по отцѣ. Этотъ Николица при Василиіи II былъ сдѣланъ дукою (генераль-губернаторомъ) Еллады (§ 244); вѣроятно, въ лицѣ его мы должны признать того болгарскаго боярина, который игралъ важную роль въ исторіи борьбы царей Василия и Самуила и не разъ переходилъ съ одной стороны на другую. Фамилія Николицы породнилась съ Кекавменами уже при дѣдѣ нашего автора, какъ это мы увидимъ ниже. Самъ Николица-внукъ, авторъ царскихъ совѣтовъ, служилъ усердно византійскому правительству и во время болгарскаго возстанія 1040 года сражался въ тѣхъ же самыхъ рядахъ, въ которыхъ находился и Гаральдъ Норвежскій, лично ему знакомый (§ 146); но тогда онъ былъ еще въ невысокихъ чинахъ, и вѣроятно, молодъ. Писалъ онъ свое сочиненіе гораздо позже, и нужно думать, имѣлъ въ виду Михаила VII, вступившаго на престолъ малолѣтнимъ (1071—1079 гг.).

Кромѣ указателя статей или оглавленія, впереди текста Стратегіи находится еще прологъ или введеніе, написанное, какъ указываютъ явные признаки, не Кекавменомъ. Въ прологѣ говорится, что сочиненіе Стратегіи принадлежитъ одному разумному человѣку знатнаго происхожденія, который и самъ видѣлъ многое, и отъ собственныхъ дѣдовъ слышалъ не мало поучительнаго. За прологомъ, не имѣющимъ конца, слѣдуетъ замѣтка, что тутъ пропало нѣсколько листовъ, заключавшихъ конецъ пролога и начало самаго сочиненія, и что, можетъ быть, и въ срединѣ кое-что утрачено. Замѣтка можетъ принадлежать переписчику; но предисловіе составлено было гораздо ранѣ. Можетъ быть, то постороннее лицо, которое написало прологъ, и было виновникомъ присоединенія къ Стратегіи Кекавена совѣтовъ Николицы. Такъ какъ обѣ эти фамиліи были тѣсно связаны сосѣдствомъ и родствомъ, то лицу, имѣвшему въ своихъ рукахъ общія фамильныя бумаги, до тѣхъ поръ не обнародованныя, легко было ими воспользоваться такъ или

иначе. На томъ основаніи, что въ концѣ двухъ соединенныхъ трактатовъ находится замѣтка о взятіи Цареграда Латинами въ 1204 году (fol. 229), слѣдуетъ догадываться, что эта часть нашего кодекса списана съ рукописи начала XIII столѣтія; можетъ быть, именно въ той первоначальной рукописи и соединены были въ одно цѣлое стратегія Кекавмена и совѣты Николицы съ прибавленіемъ въ срединѣ нѣсколькихъ главъ изъ какого-то другаго сочиненія; можетъ быть, и тотъ списокъ, который послужилъ оригиналомъ для нашего кодекса XV вѣка, былъ писанъ на Аѳонѣ и даже потомкомъ Кекавмена.

Въ литературномъ отношеніи то и другое сочиненіе не обладаютъ большими достоинствами; они написаны безъ всякихъ притязаній на соблюденіе риторическихъ правилъ; авторамъ, особенно первому изъ нихъ, стоитъ большихъ усилій держаться въ предѣлахъ правильнаго книжнаго языка; вслѣдствіе того, что они не рѣшаются обратиться къ презираемой обыденной и народной рѣчи, они принуждены ограничиваться довольно скуднымъ запасомъ словъ и выраженій, считаемыхъ не всегда основательно эллинскими; очевидно, что требованія школьной грамматики соблюдались съ трудомъ, хотя мы и не можемъ отнести на счетъ авторовъ той полной безграмотности, которая царитъ въ спискѣ XV столѣтія. Кекавменъ прямо признается, что онъ не получилъ настоящаго школьнаго эллинскаго образованія, чуждъ словесному искусству (§ 191, fol. 208 verso). Но внутреннему достоинству сочиненія этотъ недостатокъ не наноситъ ущерба; напротивъ, безыскусственность и простота придаютъ сочиненію особую привлекательность. Оно больше всего интересно для насъ именно тѣмъ, что въ немъ есть нѣчто свое, первоначальное, не заимствованное отъ другихъ по содержанію; тѣмъ лучше, что такая внутренняя оригинальность не скрывается подъ покровомъ изысканнаго, школьнаго и риторическаго языка, какимъ писали другіе образованные современники Михаила Пселла. Можетъ быть, въ недостаткахъ литературнаго изложенія у Кекавмена сказывается его нечисто греческое происхожденіе; дѣдъ его вышелъ изъ Арменіи, породнился съ болгарскою фамиліей; самъ, онъ кромѣ греческаго языка, очевидно, зналъ и болгарскій, такъ какъ два раза приводитъ болгарскія слова, одинъ разъ даже обнаруживая этимологическое чутье въ отношеніи къ славянскимъ рѣченіямъ. Этому соответствуетъ и не погасшее еще внутреннее чувство принадлежности къ другому племени и строптивое желаніе выдѣляться изъ среды другихъ подданныхъ Греческаго императора. Совѣтуя своимъ сыновьямъ почитать и уважать царя, Кекавменъ, однако, позволяетъ себѣ меч-

тать о положеніи топарха, то-есть, полунезависимаго вассальнаго владѣльца, и воображая своихъ дѣтей въ такой роли, дѣлаетъ имъ внушенія соблюдать свои интересы и свою безопасность, не слишкомъ подчиняться греческому правительству, держаться подальше отъ царскаго двора и не совсѣмъ довѣрять царскому слову. Это уже не отзывается чистымъ и искреннимъ византійскимъ чувствомъ покорнаго и прирожденнаго раба и подданнаго.

Рукопись, какъ сказано, отличается крайнею неисправностію и чуть не безграмотностію; правила грамматики о падежахъ и глагольныхъ окончаніяхъ совсѣмъ не признаются; различныя гласныя и дифтонги, выражавшіе въ византійскую эпоху звукъ *и*, употребляются совершенно непоследовательно и смѣняются по внушенію одной прихоти. Что во всемъ этомъ виноватъ главнымъ образомъ переписчикъ—доказывается постоянствомъ безграмотности въ цѣломъ сборникѣ, не въ однихъ только наставленіяхъ Кекавмена и совѣтахъ Николиды, но и въ прочихъ произведеніяхъ, принадлежащихъ уже несомнѣнно образованнымъ и литературнымъ авторамъ. Нужно прибавить, что сборникъ писанъ не однимъ почеркомъ и не однимъ лицомъ. Какъ указалъ уже Маттеи, съ 353-го листа появляется рука втораго писца—*qui diligentior fuit*, который былъ нѣсколько исправнѣе, чѣмъ первый. Впрочемъ, по почерку оба принадлежатъ къ XV столѣтію. Въ приводимыхъ ниже отрывкахъ текста мы возстановляемъ обычное правописаніе; но если будетъ возможно, для примѣра приведемъ въ концѣ нѣсколько образчиковъ, дающихъ понятіе о правописаніи самаго кодекса.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сочиненіе Кекавмена съ дополненіями другаго автора заслуживаетъ изданія въ печати вполне и безъ пропусковъ. Со временемъ и при благоприятныхъ обстоятельствахъ это и можетъ быть исполнено. Но такъ какъ во всякомъ случаѣ скоро осуществить такое желаніе нельзя, то мы и рѣшились познакомить пока ученую публику съ наиболѣе важными мѣстами сочиненія посредствомъ извлеченій. При выборѣ отрывковъ мы главнымъ образомъ руководимся соображеніями непосредственной научной пользы, то-есть, предпочитаемъ фактическія данныя, особенно тѣ изъ нихъ, которыя служатъ къ разъясненію и пополненію нашихъ наличныхъ историческихъ свѣдѣній. Только для образца мы приводимъ нѣсколько отрывковъ съ бытовымъ содержаніемъ. Такъ какъ эти извлеченія изъ не изданнаго сочиненія могутъ имѣть интересъ не для однихъ только русскихъ ученыхъ, а древній греческій языкъ въ соотвѣствующихъ

сферахъ распространеннѣе и знакомѣе русскаго, то мы не скупимся на выписки подлиннаго текста, прибавляя во всякомъ случаѣ русскій переводъ, и гдѣ нужно, примѣчанія, и ограничиваясь относительно мѣнѣе важныхъ мѣстъ однимъ русскимъ переводомъ. Мы начинаемъ съ пролога.

...Прологъ къ Стратегикону.

„Одинъ разумный человѣкъ изъ благородныхъ, первый въ военномъ дѣлѣ, который ходилъ въ походы въ разныя страны въ разныхъ арміяхъ, который (многое) совершилъ, многое видалъ и слышалъ отъ своихъ предковъ, и что важнѣе, воевалъ съ великими царями, видѣлъ и побѣды ихъ, видѣлъ и бѣдствія, и то, отчего и какъ происходитъ то и другое,—разсудилъ, что будетъ ему въ осужденіе, если онъ ничего этого не опишетъ. И вотъ онъ сдѣлалъ то и другое, и написалъ эту книгу...“.

Далѣе слѣдуютъ непонятныя слова и замѣтка объ утратѣ листовъ. Мы приводимъ ихъ въ подлинникѣ вмѣстѣ съ начальными словами перваго параграфа.

Πρόλογος τοῦ στρατηγικοῦ.

Φρόνιμος τις τῶν ἐγγενῶν καὶ εἰς τὴν στρατίαν τοῦ πρώτος, ὅστις ἐστρατήγησεν εἰς χώρας καὶ εἰς φασσάτα καὶ ἐποίησεν καὶ εἶδεν καὶ ἤκουσεν ἐκ τούτων ἰδιούτων προγόνους, καὶ μᾶλλον ἐταξίδευσεν μετὰ βασιλεῖς μεγάλους καὶ (εἶδεν) τὰς νίκας τῶν εἶδεν καὶ δυστυχίας καὶ τὸ πῶς καὶ διὰ τί συνέβηκαν τὰ δύο· (καὶ) κρῖμα τε ἐλογίσατο νὰ μηδὲν τὰ εἶδεν συγγράψαι· καὶ ἐποίησεν καὶ τὰ ἀμφοτέρω καὶ ἔγραψεν καὶ δέλτον ταύτην· καὶ ὅπου κρατεῖ το ἀνεληπῶς ποτὲ τοῦ οὐ μὴ ἀστοχῆς ¹⁾).

Ἀρχὴ τῆς βίβλου ἅμα τοῦ προλόγου διερρύη ²⁾ καὶ διεφθάρη ³⁾. ἴσως ⁴⁾ καὶ ἕτερα προϊόντος (sic) τῆς βίβλου.

§ 1. Ἄριστος..... ἕτερος δὲ ἀδίκως ὑπήχθη διὰ..... καὶ πονηροῦ ἀνδρὸς ἀδίκως κα.... καινοτομία οὐ τυχούση καθυποβάλλεται и т. д.

¹⁾ Последняя строчка передается какъ въ рукописи, потому что мы не поняли ея смысла.

²⁾ διέρρευε.

³⁾ διέφθη.

⁴⁾ εἶσος,